

октябрь № 1 1980.

57-1

Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова

Ю. БУРТИН

Великий русский интеллигент

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть
не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек
замечательный
С давнего времени...

Эти строки Некрасова, написанные на смерть Шевченко, так кстати пришлись сегодня, когда умер, а вернее сказать — погиб, единственный истинно великий из наших современников и соотечественников. Единственный великий гражданин и Родины нашей, и всего человечества. Единственный, кто в худшие, позорные годы оставался для нас нравственной опорой и кем могли мы погордиться перед миром — из пропасти нашей духовной нищеты, задавленности и унижения.

Человек со всеми и для всех, близких и дальних. Для чехов и китайцев, для евреев, армян и крымских татар, для русских мальчиков, которых вели умирать в Афганистан, и для тех афганцев, которых им приказывали убивать на их земле. Для всех, кто страдает, для всех, кто терпит какое бы то ни было насилие и несправедливость. И именно этим прежде всего — больше, чем мощью своего ума и таланта, — великий русский интеллигент.

И еще одна особенность отличала Андрея Дмитриевича Сахарова от всех нас: он был свободный человек. Свободный и от страха, и от корысти, и от тщеславия, и от власти чужих мнений. Даже будучи связанным, он всегда оставался внутренне свободным, всегда слушался лишь голоса собственной совести, и это давало ему особую силу.

Долгие годы имя Сахарова было окружено легендой. Казенная печать клеветала на него, живая народная совесть создавала в противовес ей образ героя из стали. И вот на наших экранах простой человек, не желающий помнить о мировой славе своего имени, терпеливо стоящий в очереди у трибуны. И, быть может, кому-то он показался даже слишком, разочаровывающе прост. Не оратор — и голос срывается, и старые губы прыгают, не сразу ловят нужные слова. Но это были всегда слова правды, и как бы ему ни затыкали рот, его голос звучал сильнее любых других голосов. «Не политик» — но что такое политика? Если понимать под политикой мелкие и крупные хитрости, ловкость рук, искусство манипулировать и повелевать, то, конечно, никто не был дальше от политики, чем Андрей Дмитриевич Сахаров. Однако если речь идет о политике, суть которой — служение народу и человечеству, то нет и не было на нашей земле человека, который мог бы сравниться с ним в безошибочной правильности и существенности каждого своего политического поступка.

Всеми своими мыслями и делами, всей своей уникальной судьбой Сахаров — символ поворота от прежнего, разделенного и грызущегося человечества к мирному и единому, трудно, но неуклонно открывающему в себе новые ресурсы человечности. И все, чем мы так широко пользуемся сегодня, не затрудняя себя ссылками на первоисточник: новое политическое мышление, отказ от борьбы двух миров, разумная достаточность в вооружениях, гласность и демократи-

зация, прекращение преследований за убеждения, правовое государство,— почерпнуто из статей, брошюр, интервью, за которые его сживали со свету.

Он был русский интеллигент и потому с равным уважением и доверчивой открытостью относился к людям любого положения и любого труда — крестьянам, рабочим, ученым, писателям, молодежи. По той же причине, неустанный и бесстрашный защитник людей, он плохо умел защищать самого себя. И мы его не защитили — ни раньше, ни в его последние месяцы и дни, не встали рядом, не приняли на себя хотя бы часть его ноши.

Сахаров на трибуне, прерываемый выкриками спереди и окриками сзади, торопящийся выговорить и прочесть то, в чем, он знает, наша нужда, наше спасение... Боже, какой стыд! Нам не отмыться от него никогда. Сахаров умер. Не выдержало сердце, на котором было столько старых и новых рубцов. Тайный — да что там! — почти явный вздох облегчения у одних, у корыстного меньшинства, горе и чувство огромной, зияющей пустоты у других. Мы, которые так долго, с эгоизмом детей, уверенных, что отец и мать будут живы всегда и всегда придут нам на помощь, оставляли его в одиночестве, вдруг почувствовали бессильными и одинокими самих себя. И произошло это в дурной, смутный час, когда могущественные силы инерции того и гляди возьмут верх над едва начавшимся движением.

Я думаю, это чувство одиночества испытывают сегодня очень разные по своим взглядам люди, кажется, совершенно неспособные прийти к какому-либо согласию между собою. Атеисты и верующие, люди, уверенные в неоспоримой правоте марксизма и со страстью его отвергающие, сторонники социализма, такого или этакого, и те, кто убежден, что всякий социализм себя исчерпал, не оправдал. Но если в них живет сегодня одно и то же ощущение невосполнимой утраты, то не значит ли это, что и своей смертью Андрей Дмитриевич еще раз старается нам помочь? Указывает на ту точку, в которой могут сойтись столь различные идеологии и программы? Эта точка, а вернее обширнейшее пространство, где всем хватит места, где даже крайние антагонисты могут существовать бок о бок, оспаривая, но не истребляя, а взаимно обогащая друг друга, может быть определено разными словами. На политическом языке оно называется демократией. Союз всех демократических сил — за действительную и последовательную демократизацию, против тоталитаризма, против межнациональной и межгосударственной вражды, против насилия и застоя — вот завет, который оставил нам ушедший.

Если такой союз возникнет, он по справедливости должен носить имя Андрея Дмитриевича Сахарова.

Михаил ГЕФТЕР

Занавес поднялся

Ушел всего лишь один из миллиардов людей, населяющих Землю. Опустела всего лишь одна из московских квартир. Мы продолжаем жить, говорить, негодовать и жаловаться, часами просиживаем у телевизоров, воспроизводящих чохом и вразбивку народных избранников и тех, кто дирижирует этим форумом, в котором если не все у нас, то многие хотели бы видеть новое (по смыслу, а не по счету) Учредительное собрание. И здесь также нет всего лишь одного...

Несколько лет назад мое сознание оцарапали слова, принадлежащие Гарсиа Лорке. Он сказал, что когда за пределами его Испании приходит смерть, то занавес падает, в Испании же иначе — там в этот момент занавес подымается. Я по-

думал, что так же и у нас, только мы этого не замечаем либо забываем. Но когда нескончаемой чередой шли к мертвому Сахарову люди, отстоявшие многие часы перед входом во Дворец молодежи, ощущение поднятого занавеса охватило меня и не отпускает по сей день.

Занавес поднялся — и мы увидели друг друга. Не станем льстить себе. Мы увидели себя не в лучшем свете. Приметнее стали не только добрые начала, не истраченные вовсе, но и все, что поперек им. Страшное поперек. Это чувство не сегодня пришло, но в те прощальныe часы оно как бы сгустилось, сковалось в один комок. Я вычитывал в лицах мерно идущих людей, печальных и задумчивых, сознание нашей общей причастности к смерти человека, имя которого не нуждается в самых почетных на свете званиях.

В некрологе, опубликованном московской молодежной газетой, есть такие слова: «Он был из породы победителей и побеждал не раз». Я был бы счастлив согласиться с этим, если бы это было так. На самом же деле это не так.

Нет, он не был из породы победителей. Все его человеческое существо тяготело не к победе, а к истине. А истина чаще всего в стране побежденных. Поражения преследовали Андрея Дмитриевича до последних дней жизни. Но чем были бы мы, мы все, если бы не эти его поражения?!

...Не в ответ, а лишь на тему вопроса — крохотное воспоминание.

В памятный день 1978 года я отправился в Люблиню на процесс Юрия Орлова. Это было мое первое открытое вступление в суд, которую я знал до того лишь в порядке личных связей, отделенный от нее не только образом жизни, но и несовпадением во многих суждениях о былом и предстоящем. Мне казалось необходимым для начала привести потребность в поступке в соответствие с тем, что именуют мировоззрением. Не стану говорить, удалось ли это мне и в какой мере. Сошлюсь только, что в это время готовился выйти в свет первый номер свободного московского журнала «Поиски», к определению исходных позиций которого я был причастен. Тогда же, в то майское утро, перед судейским зданием, в квадрате из штакетников, я чувствовал себя чем-то вроде инопланетянина... Разобравшись на несколько небольших групп, шушукались между собой «диссиденты», отбывали очередное дежурство иностранные журналисты, между теми и другими шныряли лица в штатском, явно не принадлежащие ни к тем, ни к другим. И как бы отдельно, то переговариваясь с близкими, то отвечая на вопросы корреспондентов, двигался человек, опознать которого не представляло особого труда. Он выделялся и ростом, и выражением лица: не то чтобы даже спокойствием, скорее грустным признанием привычности обстоятельств, как и непременности той работы, которую в этих обстоятельствах приходится выполнять, поскольку ее нельзя не выполнять. Именно так, и даже не больше того: нельзя не выполнять.

Прошли годы. Оборвалась вахта «Поисков», мои молодые друзья изведали Бутырки и лагеря. Пришла развязка и одиссеи Сахарова. Гибель друга — Анатолия Марченко, умершего в чистопольской тюрьме после четырехмесячной голодовки во имя освобождения всех узников совести, больно отзывавшихся в сердце Андрея Дмитриевича, изменила и его судьбу. Считанные часы прошли между тем событием и другим — телефонным звонком, которого оказалось достаточно, чтобы закрылся в Горьком «персональный» концлагерь. Но в отличие от гомельского героя Андрей Дмитриевич возвратился не один — вслед за ним и усилием духа вернулись домой и многие из инакодумающих и инакоживущих. Так обозначился один из наших рубежей, выявив и доступность, и хрупкость обновления, зависимость его от безвестного человеческого действия, чуждого славе и тем открытого людям.

Вскоре после возвращения Андрея Дмитриевича в Москву мне довелось сидеть с ним рядом в доме Ларисы Богораз. Он был тих, неразговорчив. На нескладный вопрос мой: «Как вы, Андрей Дмитриевич?» он ответил: «Трудно жить. Люди пишут, приходят, едут издалека, надеясь, что я смогу помочь. А я бессилен». В буквальном смысле он был прав — и тогда, и даже позже... Ибо именно сегодня, когда только слепой может не видеть перемен, и ощутимей и больней

стала властвующая бесчеловечность, какую никому не под силу переломить враз. Да и как переломить ее «извне», не переломивши ее внутри самих себя?

Он был прав и не прав. Столь часто бессильный изменить судьбу одного человека, как и общий ход вещей, он сумел вселить в нас стыд бессилия. Вовсе лишенный всякой склонности к назиданию и даже дара внушения, он сумел подсказать нам самое важное: еще не все потеряно.

...Предначертанное исполнилось им. И потому я говорю — его, Андрея Сахарова, земная жизнь только начинается. Она еще впереди. Она — в людях, которые ныне делают первые шаги к осмыслиенному существованию.

Лев ТИМОФЕЕВ

С тревогой и надеждой

Судьба современных пророков ничем не отличается от судьбы пророков всех времен. Солженицын, Сахаров, с ними другие...

Андрея Дмитриевича Сахарова называли пророком еще при жизни, но многие ли у нас в стране знают его пророчества, его публицистику? В чем пафос его знаменитых (знаменитых не у нас — за границей) «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»? Как написаны, составлены его многочисленные, постоянные, упорные обращения к правительствам разных стран, к мировому общественному мнению? Что именно говорил он в своем письме о вторжении в Афганистан?

Многие ли могут сказать, что знали, читали, слышали его пророческое слово?..

И все-таки мы знали силу этого слова, его значение для страны. Мы верили ему, не читая и не слыша, лишь угадывая, улавливая смысл — часто в пересказах знакомых, случайно поймавших обрывки текстов по радио, даже не уточняя подробностей, да сквозь радиоглушилки они могли и не расслышать подробности. Важно было то, что он говорит. Говорит за всех молчавших, за всех, кто хотел бы, но боится или не умеет сказать вслух, — как бы от их имени, как бы сквозь их страх и скованность, — принимая на себя всю ответственность, все последствия.

Сахаров был пророком, принявшим на себя благословение Божие. И тяжелую мирскую ответственность.

Ему верили, не читая. Верили не на слово, а как бы помимо слова — верили в него, верили его жизни, его судьбе, его личности. За потоками грязи старались угадать его жизнь и в Москве, и в Горьком. Ему верили, потому что не верили его врагам, его притеснителям... И когда 17 декабря Москва прощалась с Сахаровым, под ветром, под косым мокрым снегопадом в многосоттысячной очереди люди стояли не потому, что были читателями его публицистики, но потому, что верили ему все эти годы помимо слова.

И вот теперь последнее, что открывается нам в его жизни, в его деятельности, — это его слово, публицистика. То есть как раз то, с чего и началась некогда его прямая и открытая борьба... Нам открывается содержание его пророчеств. К какому времени отнести их? К прошлому, на^чящему, будущему? К какой именно Благой Весть почерпнем мы из них?

С надеждой и тревогой задаемся мы вопросами о нашей нынешней жизни. С надеждой и тревогой обращаемся к пророчествам.

Наши пророки не в будущем видят апокалиптические картины, но в настоящем и в ближайшем прошлом, которое все остается нынешней, неушедшшей реальностью. Солженицын, Сахаров, с ними другие... Нет, не пророки — свидетели!

Диалектика — один из величайших соблазнов человеческой истории. Миф о необходимости жертвовать настоящим ради светлого будущего дорого обошелся России... Но сопротивление соблазну никогда не угасало у нас в стране. От Достоевского и авторов «Вех» усвоили мы понимание: из столкновения вчерашних грехов с нынешними не построится безгрешное будущее. Какое рукотворное завтра стдит уже пролитой крови и той, что еще прольется? Какое поколение советских людей будет жить при коммунизме?

Но, кажется, слава Богу, наша эпоха дала жестокий опыт познания метафизических истин. Кажется, начало нам брезжить: не имеет смысла спор о том, будет ли завтра лучше или хуже,— сегодняшний бы день правильно понять во всей его трагичности, во всех его противоречиях... Да что там во всех! Хотя бы то, что дано понять, не упустить бы из-за высокомерия и гордыни. История — таинство, а не романтическая дорога в светлое завтра.

Само взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего — таинство, требующее уважения. Кровь, пролитая сегодня, не только протечет в завтрашний день, но таинственным образом окрашивает и прошлое.

Апокалипсис — наша сегодняшняя реальность: только что была уже в истории и саранча в броне и с человечими лицами, и третья человечества умирает уже от огня, дыма и серы, и научились мы уже называть горе множественными именами: одно горе прошло, вот идут за ним еще два горя... два ли только?

По времени и пророки. Солженицын, Сахаров, с ними другие. Не предсказывают они скорый конец света, но свидетельствуют: вот и первый Ангел прорубил, и второй... И не в исторической последовательности раздаются эти трубные звуки, но все одновременно — и седьмой Ангел трубит среди них — тот, что возвещает: царство мира сделалось Царством Господа нашего и Христа Его и будет царствовать во веки веков...

Умер Андрей Дмитриевич Сахаров. Он показал — так наглядно, как, может быть, никто другой,— что свобода не есть обязательно продукт общественной диалектики. Что свобода и рабство, апокалиптический ужас и Царство Божие живут одновременно. Или, вернее, вне времени — всегда. Он всегда был свободен. Свободен в своем мышлении, свободен в своей речи... В апокалиптическую атмосферу заседаний и залов он входил как праведник-свидетель. И самой мощной музыкой времени стала стенографическая запись: «Сахаров: (не слышно)».

Проходя у его гроба, люди шептали: «Прости нас!» Не только шепотом произносилось, но и криком, сквозь слезы: «Прости нас!». Это «Прости!» было написано на тетрадных листках, которые складывались, закрывались гвоздиками, и опять появлялись новые листки: «Прости нас!»

За что простить? За то, что молча смотрели, как на себя одного взвали он эту ношу? За то, что позволили, допустили насилие над ним и над собой тоже? «Прости!» — за бессилие?.. Но любовь к нему — это сила!

Сквозь ветер, сквозь мокрый косой снегопад прощаться с ним приводили детей. Даже грудных несли — зачем? Чтобы приобщить их и к горю, и к истине, и к мужеству, и к любви.

Таинственно взаимопроникновение прошлого, настоящего, будущего. Любви не убывает в мире — праведники уходят, оставляя миру свою Любовь, растворяя ее в мире. И Царство Божие, и свобода — в каждом из нас есть.

Любовь моя, Россия, где твои пророки?.. Один — в изгнании, другой — в могиле. И трубят Ангелы: первый, второй, третий — все до седьмого. Все одновременно.

А. САХАРОВ

*Мир, прогресс, права человека**Нобелевская лекция **

Глубокоуважаемые члены Нобелевского комитета!

Глубокоуважаемые дамы и господа!

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. Такова главная мысль, которую я хочу отразить в этой лекции.

Я глубоко благодарен за присуждение мне высокой, волнующей награды — Нобелевской премии мира — и за предоставленную возможность выступить сегодня перед вами. Я с особенным удовлетворением воспринял формулировку Комитета, в которой подчеркнута роль защиты прав человека как единственного прочного основания для подлинного и долговечного международного сотрудничества. Эта мысль кажется мне очень важной. Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом, я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судов человечества. Эта точка зрения существенно отличается от технократических концепций, согласно которым определяющее значение имеют именно материальные факторы, социальные и экономические права. (Сказанное не означает, конечно, что я в какой-либо мере отрицаю значение материальных условий жизни людей.)

Все эти тезисы я собираюсь отразить в лекции и особо остановиться на некоторых конкретных проблемах нарушения прав человека, решение которых представляется мне необходимым и срочным.

В соответствии с этим планом выбрано название лекции: «Мир, прогресс, права человека». Это, конечно, сознательная параллель к названию моей статьи 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», во многом близкой по своей направленности, по содержащимся в ней предостережениям.

Имеется много признаков того, что начиная со второй половины XX века человечество вступило в особо ответственный, критический период своей истории.

Создано ракетно-термоядерное оружие, способное в принципе уничтожить все человечество, — это самая большая опасность современности. Благодаря экономическим, промышленным и научным достижениям несравненно более опасными стали также так называемые «обычные» виды вооружения, не говоря уже о химическом и бактериологическом оружии.

Несомненно, успехи промышленного и технологического прогресса являются главным фактором преодоления нищеты, голода и болезней, но они одновременно приводят к угрожающим изменениям в окружающей среде, к истощению ресурсов. Человечество таким образом столкнулось с грозной экологической опасностью.

* World © Nobel Foundation, 1975.

© СП «Интер-Берсо», 1989.

Полностью сборник статей А. Д. Сахарова «Мир, прогресс, права человека» публикуется в журнале «Звезда». 1990, №№ 2—3.

Быстрые изменения традиционных форм жизни привели к неуправляемому демографическому взрыву, особенно мощному в развивающихся странах третьего мира. Рост населения создает необычайно трудные экономические, социальные и психологические проблемы уже сейчас и неотвратимо угрожает гораздо более серьезными опасностями в будущем. Во многих странах, в особенности в Азии, Африке, Латинской Америке, недостаток продовольствия продолжает оставаться постоянным фактором жизни сотен миллионов людей, обретенных с момента рождения на нищенское, полуголодное существование. При этом прогнозы на будущее, несмотря на несомненные успехи «зеленой революции», являются тревожными, а по мнению многих специалистов — трагическими.

Но и в развитых странах люди сталкиваются с очень серьезными проблемами. Среди них — тяжелые последствия неумеренной урбанизации, потеря социальной и психологической устойчивости общества, непрерывная изнуряющая гонка моды и сверхпроизводства, бешеный, безумный темп жизни и ее изменений, рост числа нервных и психических заболеваний, отрыв все большего числа людей от природы и нормальной, традиционной человеческой жизни, разрушение семьи и простых человеческих радостей, упадок морально-этических устоев общества и ослабление чувства цели и осмыслинности жизни. На этом фоне возникают многочисленные и уродливые явления — рост преступности, алкоголизма, наркомании, терроризма и т. п. Надвигающееся истощение ресурсов Земли, угроза перенаселения, многократно углубленные международными политическими и социальными проблемами, начинают все сильней давить на жизнь также и в развитых странах, лишая (или угрожая лишить) многих людей ставших уже привычными изобилия, удобства и комфорта.

Однако наиболее существенную, определяющую роль в проблематике современного мира играет глобальная политическая поляризация человечества, разделившая его на так называемый первый мир (условно назовем его «западный»), второй (социалистический), третий (развивающиеся страны). Два крупнейших социалистических государства фактически стали враждующими тоталитарными империями с непомерной властью единственной партии и государства над всеми сторонами жизни своих граждан и с огромным экспансионистским потенциалом, стремящимся подчинить своему влиянию обширные районы земного шара. При этом одно из этих государств — КНР — находится пока на относительно низком уровне экономического развития, а другое — СССР, — используя уникальные природные ресурсы, пройдя через десятилетия неслыханных бедствий и перенапряжения всех сил народа, достигло в настоящее время огромной военной мощи и относительно высокого (хотя и одностороннего) экономического развития. Но и в СССР уровень материальной жизни населения низок, а уровень гражданских свобод ниже даже, чем в малых социалистических странах. Очень сложные общемировые проблемы связаны также с третьим миром, с его относительной экономической пассивностью, сочетающейся с растущей международной политической активностью.

Эта поляризация многократно усиливает и без того очень серьезные опасности, нависшие над миром, — опасности термоядерной гибели, голода, отравления среды, истощения ресурсов, перенаселения, дегуманизации.

Обсуждая весь этот комплекс неотложных проблем и противоречий, следует прежде всего сказать, что, по моему убеждению, любые попытки замедлить темп научно-технического прогресса, повернуть вспять урбанизацию, призывы к изоляционизму, патриархальности, к возрождению на основе обращения к здоровым национальным традициям прошлых столетий — нереалистичны. Прогресс неизбежен, его прекращение означало бы гибель цивилизации.

Еще не так давно люди не знали минеральных удобрений, машинной обработки земли, ядохимикатов, интенсивных методов земледелия. Есть голоса, призывающие вернуться к более традиционным и, возможно, более безопасным формам земледелия. Но возможно ли осуществить это в мире, где и сейчас сотни миллионов людей страдают от голода? Несомненно, наоборот, необходима дальнейшая интенсификация и распространение ее на весь мир, на все развиваю-

щиеся страны. Нельзя отказаться от все более широкого применения достижений медицины и от расширения исследований во всех ее отраслях, в том числе и в таких, как бактериология и вирусология, нейрофизиология, генетика человека и генохирургия, несмотря на потенциальные опасности злоупотребления и нежелательных социальных последствий некоторых из этих исследований. То же относится к исследованиям в области создания систем имитации интеллекта, к исследованиям в области управления массовым поведением людей, к созданию единых общемировых систем связи, систем сбора и хранения информации и т. п. Совершенно очевидно, что в руках безответственных бюрократических, действующих под покровом секретности учреждений все эти исследования могут оказаться необыкновенно опасными, но в то же время они могут стать крайне важными и необходимыми для человечества, если их осуществлять под контролем гласности, обсуждения, научного социального анализа. Нельзя отказаться от все более широкого использования искусственных материалов, синтетической пищи, от модернизации всех сторон быта людей. Нельзя отказаться от возрастающей автоматизации и укрупнения промышленного производства, несмотря на связанные с этим социальные проблемы.

Нельзя отказаться от строительства все более мощных тепловых и атомных электростанций, от исследований в области управляемой термоядерной реакции, поскольку энергетика — одна из основ цивилизации. Я позволю себе вспомнить в этой связи, что 25 лет назад мне, вместе с моим учителем, лауреатом Нобелевской премии по физике Игорем Евгеньевичем Таммом, довелось стоять у начала исследований управляемой термоядерной реакции в нашей стране. Сейчас эти работы приобрели огромный размах, исследуются самые различные направления, от классических схем магнитной термоизоляции до методов с использованием лазеров.

Нельзя отказаться от расширения работ по освоению околоземного космоса и по исследованию дальнего космоса, в том числе от попыток приема сигналов от внеземных цивилизаций — шансы на успех таких попыток, вероятно, малы, но зато последствия успеха могут быть грандиозными.

Я назвал только некоторые примеры, их можно умножить. В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации; прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы. Недооценка этих факторов, особенно распространенная в социалистических странах, возможно, под влиянием вульгарных идеологических догм официальной философии, может привести к извращению путей прогресса или даже к его прекращению, к застою. Прогресс возможен и безопасен лишь под контролем Разума. Важнейшая проблема охраны среды — один из примеров, где особенно ясна роль гласности, открытости общества, свободы убеждений. Только частичная либерализация, наступившая в нашей стране после смерти Сталина, сделала возможными памятные всем нам публичные дискуссии первой половины 60-х годов по этой проблеме, но эффективное ее решение требует дальнейшего усиления общественного и международного контроля. Военные применения достижений науки, разоружение и контроль над ним — другая столь же критическая область, где международное доверие висит от гласности и открытости общества. Упомянутый пример управления массовым поведением людей, при своей внешней экзотичности, тоже вполне актуален уже сейчас.

Свобода убеждений, наличие просвещенного общественного мнения, плuriалистический характер системы образования, свобода печати и других средств информации — всего этого сильно не хватает в социалистических странах вследствие присущего им экономического, политического и идеологического монизма. Между тем эти условия жизненно необходимы не только во избежание злоупотреблений прогрессом, вольных и по неведению, но и для его поддержания. В особенности важно, что только в атмосфере интеллектуальной свободы возможна эффективная система образования и творческой преемственности поколений. Наоборот, интеллектуальная несвобода, власть унылой бюрократии, конформизм,

разрушая сначала гуманитарные области знания, литературу и искусство, неизбежно приводят затем к общему интеллектуальному упадку, бюрократизации и формализации всей системы образования, к упадку научных исследований, исчезновению атмосферы творческого поиска, к застою и распаду.

Сейчас, в поляризованном мире, тоталитарные страны благодаря детанту приобрели возможность своеобразного интеллектуального паразитизма — и похоже, если не произойдет тех внутренних сдвигов, о необходимости которых все мы думаем, скоро им придется встать на этот путь. Один из возможных результатов детанта именно таков. Если это произойдет, взрывоопасность общемировой ситуации может только возрасти. Миру жизненно необходимо всестороннее сотрудничество между странами Запада, социалистическими и развивающимися странами, включая обмен знаниями, технологией, торговлю, экономическую, в частности продовольственную взаимопомощь. Но это сотрудничество должно происходить на основе доверия открытых обществ, как говорят, с открытой душой, на основе истинного равноправия, а не на основе страха демократических стран перед их тоталитарными соседями. Сотрудничество в этом последнем случае означало бы просто попытку задарить, задобрить жуткого соседа. Но подобная политика всегда лишь отсрочка беды, которая вскоре возвращается в другую дверь с удесительными силами, это попросту новый вариант мюнхенской политики. Устойчивый успех детанта возможен только, если с самого начала он сопровождается непрерывной заботой об открытости всех стран, об увеличении уровня гласности, о свободном обмене информацией, о непременном соблюдении во всех странах гражданских и политических прав — короче говоря, при дополнении разрядки в материальной сфере разоружения и торговли разрядкой в духовной, идеологической сфере. Об этом прекрасно сказал президент Франции Жискар д'Эстен во время своего визита в Москву. Право, стоило пережить упреки некоторых недальновидных прагматиков из числа его соотечественников ради того, чтобы поддержать важнейший принцип!

Прежде чем перейти к обсуждению проблем разоружения, я хочу воспользоваться возможностью и еще раз напомнить некоторые свои предложения общего характера. Это прежде всего идея создания под эгидой ООН Международного Консультативного Комитета по вопросам разоружения, прав человека и охраны среды. Комитету, согласно моей мысли, должно быть предоставлено право получения обязательных ответов от всех правительств на его запросы и рекомендации. Такой Комитет явился бы важным рабочим органом для обеспечения общемировых дискуссий и гласности по самым важным проблемам, от которых зависит будущее человечества. Я жду поддержки и обсуждения этой идеи.

Я также хочу подчеркнуть, что я считаю особенно важным более широкое использование войск ООН для купирования международных и межнациональных вооруженных конфликтов. Я очень высоко оцениваю возможную и необходимую роль ООН, считая ее одной из главных надежд человечества на лучшее будущее. Последние годы — трудные, критические для этой организации. Я писал об этом в книге «О стране и мире», уже после ее выхода в свет заслуживающим сожаления событием было принятие Генеральной Ассамблеей (причем почти без обсуждения по существу) резолюции, объявившей сионизм формой расизма и расовой дискриминации. Все беспристрастные люди знают, что сионизм — это идеология национального возрождения еврейского народа после 2-х тысяч лет расеяния и что эта идеология не направлена против других народов. Принятие подобной резолюции, по моему мнению, нанесло удар престижу ООН. Несмотря на подобные факты, часто порождаемые отсутствием чувства ответственности перед человечеством у руководителей некоторых более молодых членов ООН, я все же верю, что рано или поздно ООН сумеет играть в жизни человечества достойную роль, в соответствии с целями Устава.

Перехожу к одной из центральных проблем современности — к разоружению. Я подробно изложил свою позицию в книге «О стране и мире». Необходимо укрепление международного доверия, совершенный контроль на местах силами международных инспекционных групп. Все это невозможно без расшире-

ния разрядки на область идеологии, без увеличения открытости общества. В этой же книге я подчеркнул необходимость международных соглашений об ограничении поставок оружия другим государствам, прекращение новых разработок систем оружия по специальным соглашениям, соглашение о запрещении секретных работ, устранение факторов стратегической неустойчивости, в частности запрещение разделяющихся боеголовок.

Как же я представляю себе идеальное общемировое соглашение о разоружении в техническом плане?

Я думаю, что такому соглашению должно предшествовать официальное (не обязательно сразу открытое) заявление об объеме всех видов военного потенциала (от запасов термоядерных зарядов до прогнозов контингентов военнообязанных), с указанием примерной условной разбивки по районам «потенциальной конфронтации». Соглашение должно предусматривать в качестве первого этапа ликвидацию преимуществ одной стороны над другой, отдельной для каждого стратегического района и для каждого вида военного потенциала (конечно, это только схема, от которой неизбежны некоторые отклонения). Таким образом, будет исключено, во-первых, что соглашение в одном стратегическом районе (скажем, в Европе) будет использовано для усиления военных позиций в другом районе (скажем, на советско-китайской границе); и, во-вторых, исключены возможные несправедливости из-за трудности количественно сопоставить значимость разных видов потенциала (например, трудно сказать, скольким зенитным установкам ПРО эквивалентен один крейсер и т. п.). Следующим этапом сокращения вооружений должно явиться пропорциональное сокращение одновременно для всех стран и всех стратегических районов. Такая формула «сбалансированного» двухэтапного сокращения вооружений обеспечит непрерывающуюся безопасность каждой страны, непрерывное равновесие сил в каждом районе потенциальной конфронтации и одновременно радикальное решение экономических и социальных проблем, порождаемых милитаризацией. На протяжении многих десятилетий варианты подобного подхода выдвигаются многими экспертами и государственными деятелями, однако до сих пор успех очень незначителен. Но я надеюсь, что сейчас, когда человечеству реально угрожает гибель в огне термоядерных взрывов, разум людей не допустит этого исхода. Радикальное сбалансированное разоружение действительно необходимо и возможно как часть многостороннего и сложного процесса разрешения грозных, неотложных мировых проблем. Та новая фаза межгосударственных отношений, которая получила название разрядки или детанта и, вероятно, имеет своим кульминационным пунктом совещание в Хельсинки, в принципе открывает определенные возможности продвижения в этом направлении.

Заключительный акт совещания в Хельсинки в особенности привлекает наше внимание тем, что в нем впервые официально отражен тот комплексный подход к решению проблем международной безопасности, который представляется единственным возможным; в акте содержатся глубокие формулировки о связи международной безопасности с защитой прав человека, свободы информации и свободы передвижения и важные обязательства стран-участников, гарантирующие эти права. Очевидно, конечно, что речь идет не о гарантированном результате, а именно о новых возможностях, которые могут быть реализованы лишь в результате длительной планомерной работы, с единой и последовательной позицией всех стран-участников, в особенности демократических стран.

Это относится, в частности, к проблеме прав человека, которой посвящена последняя часть лекции. В нашей стране, о которой я теперь буду говорить преимущественно, за месяцы, прошедшие после совещания в Хельсинки, вообще не произошло сколько-нибудь существенного улучшения в этом направлении; в отдельных же вопросах замечаются даже попытки сторонников жесткого курса «закинуть» гайки.

Все в том же состоянии находятся важные проблемы международного информационного обмена, свободы выбора страны проживания, поездок для учения, работы, лечения, просто туризма. Чтобы конкретизировать это утвержде-

ние, я сейчас приведу некоторые примеры — не в порядке их важности и не стремясь к полноте.

Вы все знаете лучше, чем я, что дети, скажем, из Дании могут сесть на велосипеды и весело доехать до Адриатики. Никто не увидит в них «малолетних шпионов». Но советские дети этого не могут! Вы сами можете мысленно разить этот пример (и все ниже следующие) на множество аналогичных ситуаций.

Вы знаете, что Генеральная Ассамблея под давлением социалистических стран приняла решение, ограничивающее свободу телевизионного вещания со спутников. Я думаю, что сейчас, после Хельсинки, есть все основания для его пересмотра. Для миллионов советских граждан это очень важно и интересно.

В СССР качество протезов для инвалидов крайне низкое. Но ни один советский инвалид, даже имея вызов от иностранной фирмы, не может выехать по этому вызову за границу.

В советских газетных киосках нельзя купить некоммунистических зарубежных газет да и коммунистические продаются далеко не каждый номер. Даже такие информационные журналы, как «Америка», крайне дефицитны и продаются в ничтожном числе киосков, расходятся же мгновенно и обычно с «нагрузкой» неходовых изданий.

Каждый, желающий эмигрировать из СССР, должен иметь вызов от близких родственников. Для многих это нераразрешимая проблема, например, для 300 тысяч немцев, желающих уехать в ФРГ (к тому же квота на выезд составляет для немцев всего 5 тысяч человек в год, то есть выезд распланирован на 60 лет!). За этим — огромная трагедия. Особенно трагично положение лиц, желающих соединиться с родственниками в социалистических странах,— за них некому заступиться, и произвол властей не знает пределов.

Свобода передвижения, выбора места работы и жительства продолжает нарушаться для миллионов колхозников, продолжает нарушаться для сотен тысяч крымских татар, 30 лет назад с огромными жестокостями выселенных из Крыма и до сих пор лишенных права вернуться на родную землю.

Заключительный акт совещания в Хельсинки вновь подтвердил принципы свободы убеждений. Но требуется большая и упорная борьба, чтобы эти положения акта имели не только декларативное значение. В СССР многие тысячи людей преследуются сегодня за убеждения в судебном и внесудебном порядке — за религиозные верования и желание воспитывать своих детей в религиозном духе; за чтение и распространение (часто простое ознакомление 1—2 человек) нежелательной властям литературы, обычно абсолютно легальной по демократическим нормам, например, религиозной; за попытку покинуть страну; особенно важна в моральном плане проблема преследования лиц, страдающих за защиту других жертв несправедливости, за стремление к гласности, в частности, за распространение информации о судах, преследованиях за убеждения, об условиях мест заключения.

Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале, сотни и тысячи узников совести страдают от тяжелого малолетнего голода, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия лекарств (витамины и лекарства запрещено пересыпать в места заключения), от непосильной работы, дрожат от холода, сырости и истощения в полутемных карцерах, вынуждены вести непрестанную борьбу за свое человеческое достоинство, за убеждения против машины «перевоспитания», а фактически слома их души. Особенности системы мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за ее разоблачение — это лучшее доказательство реальности обвинений в ее адрес. Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. Но что сказать о муках невинных? Самое же страшное — ад спецпсихбольниц Днепропетровска, Сычевки, Благовещенска, Казани, Черняховска, Орла, Ленинграда, Ташкента...

Я не могу сегодня рассказывать конкретные судебные дела, конкретные судьбы. Есть большая литература (я обращаю здесь ваше внимание на издания

издательства «Хроника-Пресс» в Нью-Йорке, перепечатывающего, в частности, советский самиздатский журнал «Хроника текущих событий» и издающего аналогичный информационный бюллетень). Я просто назову здесь, в этом зале, имена некоторых известных мне узников. Как уже вы слышали вчера, я прошу вас считать, что все узники совести, все политзаключенные моей страны разделяют со мной честь Нобелевской премии мира.

Вот некоторые известные мне имена: Плющ, Буковский, Глузман, Мороз, Мария Семенова, Надежда Светличная, Стефания Шабатура, Ирина Калинец-Стасив, Ирина Сеник, Нийоле Садунайте, Анант Карапетян, Осипов, Кронид Любашинский, Шумук, Винс, Румачик, Хаустов, Суперфин, Паулайтис, Симутис, Караванский, Валерий Марченко, Шухевич, Павленков, Черноглаз, Абаилькин, Сусленский, Мешенер, Светличный, Сафонов, Роде, Шакиров, Хейфец, Афанасьев, Мо-Хун, Бутман, Лукьяненко, Огурцов, Сергиенко, Антонюк, Лупынос, Рубан, Плахотнюк, Ковгар, Белов, Игрунов, Солдатов, Мяттик, Юшкевич, Кийренд, Здоровый, Товмасян, Шахвердян, Загробян, Айрикян, Маркосян, Аршакян, Мираускас, Стус, Сверстюк, Кандыба, Убожко, Романюк, Воробьев, Гель, Пронюк, Гладко, Мальчевский, Гражис, Пришляк, Сапеляк, Калинец, Супрей, Вальдман, Демидов, Берничук, Шовковый, Горбачев, Верхов, Турек, Жукаускас, Сенькяв, Гринькяв, Навасардян, Саартс, Юрий Вудка, Пуце, Давыдов, Болонкин, Лисовой, Петров, Чекалин, Городецкий, Черновол, Балахонов, Бондарь, Калиниченко, Коломин, Плумпа, Яугялис, Федосеев, Осадчий, Будулак-Шарыгин, Макаренко, Малкин, Штерн, Лазарь Любашинский, Фельдман, Ройтбурт, Школьник, Мурженко, Федоров, Дымшиц, Кузнецов, Менделевич, Альтман, Пэнсон, Хнох, Вульф Залмансон, Израиль Залмансон и многие, многие другие. В несправедливой ссылке — Анатолий Марченко, Нашибиц, Цитленок. Ожидают суда — Мустафа Джемилев, Ковалев, Твердохлебов. Я не мог назвать всех известных мне узников за неимением места, еще больше я не знаю или не имею под рукой справки. Но я всех подразумеваю мысленно и всех не названных явно прошу извинить меня. За каждым названным и не названным именем — трудная и героическая человеческая судьба, годы страданий, годы борьбы за человеческое достоинство.

Кардинальное решение проблемы преследования за убеждения — освобождение на основе международного соглашения, возможно, — решения Генеральной Ассамблеи ООН, всех политзаключенных, всех узников совести в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах. В этом предложении нет никакого вмешательства во внутренние дела какой-либо страны, ведь оно в равной мере распространяется на все страны, на СССР, Индонезию, Чили, ЮАР, Испанию, Бразилию, на все другие страны, и потому, что защита прав человека провозглашена Всеобщей декларацией ООН международным, а не внутренним делом. Ради этой великой цели нельзя жалеть сил, как бы ни был долг путь, — а что он долг, это мы видели во время последней сессии ООН. США на этой сессии внесли предложение о политической амнистии, но затем сняли его после попытки ряда стран пересечь (по мнению делегации США) расширить рамки амнистии. Я сожалею о происшедшем. Но снять проблему нельзя. И я глубоко убежден, что лучше освободить некоторое число людей в чем-то виновных, чем держать в заключении и истязать тысячи невинных.

Не отказываясь от кардинального решения, сегодня мы должны бороться за каждого человека в отдельности, против каждого случая несправедливости, нарушения прав человека — от этого зависит слишком многое в нашем будущем.

Стремясь к защите прав людей, мы должны выступать, по моему убеждению, в первую очередь как защитники невинных жертв существующих в разных странах режимов, без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов. Нужны реформы, а не революции. Нужно гибкое, плuriалистическое терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем. Что это — разрядка? конвергенция? — дело не в словах, а в нашей решимости создать лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок.

Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость; и в этой борьбе было важно не только умение владеть дубинкой, но

и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более «удачные», чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалять нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели.

1/XII-75

Президиуму Верховного Совета СССР, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Ильичу Брежневу

Открытое письмо

Копии этого письма я адресую Генеральному Секретарю ООН и Главам государств — постоянных членов Совета Безопасности

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но, главным образом, мирных жителей: стариков, женщин, детей — крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу голода для целых районов. Есть сведения о применении напалма, мин-ловушек и новых типов оружия. Крайнюю тревогу вызывают непроверенные сообщения о случаях применения нервно-паралитических газов. Некоторые из этих сообщений, возможно, недостоверны, но общая мрачная картина не подлежит сомнению. Ожесточение борьбы, жестокости с обеих сторон возрастает, и конца этой эскалации не видно.

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылка дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать!) увеличению военных бюджетов и принятию новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасности гонки вооружений. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие ранее безоговорочно поддерживающие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная милитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социалистических областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов; было ли это проявление бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в

каждом из этих предположений. Я лично считаю советские действия несомненной экспанссией и нарушением суверенитета Афганистана. Но и стоящие на другой позиции, как мне кажется, должны согласиться, что эти действия — ужасная ошибка, которую необходимо исправить как можно скорее, тем более что сделать это с каждым днем все трудней. По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие действия:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия — заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, способствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104-х ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице его постоянных членов, а также, возможно, и соседних с Афганистаном стран.

4. Страны — члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим — одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармала до проведения выборов передает свои полномочия Временному Совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Кармала.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармала и партизаны принимают участие в них на общих основаниях.

Мои мысли, конечно, не более чем возможная основа для обсуждения. Я понимаю трудность проведения этой или аналогичной программы. Однако какой-то политический выход из возможного тупика должен быть найден. Продолжение и тем более дальнейшее усиление военных действий приведет, по моему убеждению, к катастрофическим последствиям. Быть может, мир именно сейчас находится на перепутье, и от того, как будет разрешен Афганский кризис, зависит весь ход событий ближайших лет и даже десятилетий.

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия, за попытку осуществить свое право получать и распространять информацию, право на свободу религии, на свободный выбор страны проживания и места проживания внутри страны, право на ассоциации. В их числе — участники информационных, правозащитных и дискуссионных журналов, члены Хельсинкских групп, участники религиозных и эмиграционных движений. Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил внутреннюю обстановку, способствовал международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи.

Я прошу Вас известить меня о получении и расследовании этого письма по адресу: Горький, 137, проспект Гагарина, 214, квартира 3. Я силой вывезен в Горький в январе 1980 года и считаю это абсолютно незаконным. Я до сих пор не знаю даже, какая инстанция или кто персонально приняли решение об этом. Вот уже много лет каждое мое общественное выступление приводит к репрессиям против моих близких, оказывающихся таким образом заложниками. Сейчас в этом положении Елизавета Алексеева — невеста сына, вынужденного эмигрировать два с половиной года назад. Она не получает разрешения на выезд к любому, подвергается угрозам и шантажу, клевете в прессе. Личная драма двух молодых людей используется с целью давления на меня. За мои действия и выступления ответственность должен нести только я (в том числе и за это письмо). Практика заложничества — недопустима для любой группировки или отдельных лиц, тем более недопустима и недостойна для государства. Я повторяю здесь свою просьбу помочь выезду Елизаветы Алексеевой.

Андрей САХАРОВ,
академик, лауреат Нобелевской премии Мира.
Горький, 27 июля 1980 года.

Публикация Е. БОННЭР